УДК 81’374
DOI: 10.17223/22274200/14/3

А.С. Разина

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, ЭТНОДИАЛЕКТНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ КАК НОВЫЙ ЭТАП ЛЕКСИКОГРАФИИ

Рассматривается возникший на рубеже XX–XXI вв. тип словарей с большой долей экстралингвистической информации. Анализируется соотношение в них собственно языкового и культурологического материала, описываются место и содержание лингвокультурологического комментария, а также роль речевых иллюстраций. Исследование проводится на материале словарей, созданных представителями различных отечественных лингвистических школ. Опыт современных лексикографов вписан в лексикографические традиции XIX – начала XX в., связанные с попыткой объединить в словаре собственно лингвистические и этнокультурные данные.
Ключевые слова: *этнолингвистика, лингвокультурология, лексикография, диалект, лингвокультурологический комментарий.*

Проблема соотношения национального языка и культуры исследуется в современной лингвистике очень широко. Различные аспекты изучения связи языковых особенностей этноса и его культурной специфики вписываются в проблематику двух близких лингвистических дисциплин, оформившихся сравнительно недавно: этнолингвистики (Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, С.Г. Воркачёв, В.В. Воробьёв, В.И. Карасик, О.А. Корнилов, С.А. Кошарная, В.В. Красных, В.А. Маслова, С.Е. Никитина, В.И. Постовалова, О.А. Радченко, Ю.С.Степанов, В.Н. Телия, А.Т. Хроленко, Е.С. Яковлева и др.) и лингвокультурологии (А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, А.С. Герд, А.В. Гура, А.Ф. Журавлев, Д.К. Зеленин, В.В. Иванов, В.М. Мокиенко, С.Е. Никитина, Е.С. Новик, Е.М. Мелетинский, А.А. Потебня, Н.И. Толстой, С.М. Толстая, А.Л. Топорков, В.Н.Топоров, А.Т. Хроленко, Т.В. Цивьян, Б.А. Успенский, О.А. Черепанова). В научной среде существуют различные взгляды на границы между указанными направлениями языкознания.

Поскольку объединяющим данные науки стержнем является междисциплинарный подход, то долгое время в лингвистике имела место тенденция считать лингвокультурологию разделом этнолингвистики.

Так, В.Н. Телия определяет лингвокультурологию как ту «часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [1. С. 217]. При всем своеобразии в целях и задачах этнолингвистика является фундаментом для лингвокультурологии, так как современное состояние языка – следствие исторически последовательного закрепления в языковых формах различных национальных представлений о мире [2].

Сегодня преобладает точка зрения, согласно которой необходимо обособить данные дисциплины. В.В. Воробьев [3], В.А. Маслова [4], Е.Л. Березович [5] считают лингвокультурологию ориентированной на изучение корреляции синхронного среза литературного языка к особенностям культуры его носителей, в то время как этнолингвистика, с их точки зрения, исследует особенности отражения этнической культуры в диалекте, в том числе в диахронии: «Объект исследования в этнолингвистике оказывается «смещенным» в сторону изучения языка племен, диалектов, языковой семьи и культурной группы, праязыка и пракультуры» [3. С. 35].

Накопление теоретической базы данных дисциплин обусловило ряд новаций и в лексикографической практике, которая сопровождает любое серьезное направление в языкознании. Более того, опыт словаростроения неизбежно формирует и оттачивает лингвистическую теорию [6].

Без сомнения, предтечей новых «культуроемких» лексиконов выступают отечественные диалектные словари, которые изначально отражали не просто территориально ограниченную лексику, но главным образом ту, которая именует различные бытовые, культурные, духовные реалии деревенской жизни, т.е. является проводником огромного пласта информации нелингвистического характера[1]. Н.И. Толстой

[1] Нечеткое разграничение предметного поля диалектологии, этнографии, фольклористики в XIX – начале XX в. было характерно не только для российской науки. Стремление так или иначе отразить в лексиконе черты народной культуры объясняет включение в словарь этнокультурных единиц, фольклорных текстов, географических помет в «Сербском словаре» В. Караджича (1818), «Словаре хорватского или сербского языка» Дж. Даничича (1861), «Словаре белорусского наречия» Н.И. Носовича (1870), «Словенско-немецком словаре» М. Плетершника (1894–1895), «Словаре болгарского языка» Н. Герова (1895–1904), «Польском диалектном словаре» Я. Карловича (1900–1911), «Моравском диалектном словаре» Ф. Бартоша (1906), диалектном словаре из работы С. Цамбеля «Словацкий язык и его место в кругу родственных славянских языков» (1906), «Ходском сло-

указывает на элементы этнокультурного анализа, встречающиеся ещё в XIX столетии в этимологических штудиях акад. А.А. Потебни [7. С. 404]. Значительное лексикографическое наследие проф. Д.К. Зеленина последовательно раскрывает культурно-исторические особенности крестьянской жизни России: «Единый этнолингвистический подход к диалектной лексике представлялся Дмитрию Константиновичу (Зеленину. – *А.Р.*) необходимым условием диалектного лексиколога и лексикографа. Отсутствие этнографического плана он считал серьезным упущением и обеднением словаря, так как с ним связана вся материальная и духовная культура носителей говора (или диалекта, «наречия»)» [8. С. 75]. Что же касается В.И. Даля, то он, не будучи полноправным членом «ученого сообщества» языковедов, в практике отечественного словаростроения создал такой прецедент, который изучает и осмысливает каждое новое поколение диалектологов и диалектных лексикографов. Количество научных работ, посвященных словарю Даля, сегодня не поддается учету.

Сформировавшаяся к моменту появления «Толкового словаря живого великорусского языка» (первое издание печаталось в 1863–1866 гг.) лексикографическая практика была ориентирована на описание литературной подсистемы русского языка, функционировавшей в дворянской среде. В.И. Даль сосредоточил внимание на народной языковой стихии. Помимо диалектной «крестьянской» лексики его статья могла включать пословицы, поговорки, загадки, заговоры, описания сюжетов и персонажей народной мифологии, обычаев, суеверий. Господствовавшему методу логических определений слов автор предпочел описательный способ семантизации и алфавитно-гнездовой принцип подачи заглавных слов, например:

> **ИЗЫМА́ЛКА** ж. – лубяное лукно, в котором носят овес, для приманки и поимки лошадей в поле; *имало, ималка.* ***Изымыш*** м. – выкормок, животное, пойманное в диком состоянии, особ. молодое, и держимое дома. ***Изъёмок, изымок*** м. – выломок, выломанная из чего, вынутая вещь, мертвая кость или части ее, вынимаемые из ран и язв. ***Изъёмыш*** м. – гнездарь, птенец, вынутый из гнезда; человек или животное, почему-либо составляющее изъятие, исключенье; не подлежащий общему правилу. *Поди, Ваня, я тебе изъёмщика принес! А ты*

варе» Я.Ф. Грушки (1907), «Словаре украинского языка» Б.Д. Гринченко (1907–1909) и др.

что за изъёмыш, чтобы тебе одному рубить лес, коли никому не велят [9. С. 72].

Идеи В.И. Даля, А.А. Потебни [10] и Д.К. Зеленина [11, 12, 13] реализовались в строении диалектных словарей, созданных на рубеже XIX–XX столетий А.О. Подвысоцким («Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении», 1885), Г.И. Куликовским («Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении», 1898), Н.М. Васнецовым («Материалы для областного словаря Вятского говора» (1907), В.Н. Добровольским («Смоленский областной словарь», 1914), а также в теории лексикографии в советский период.

В начале XXI в. М.Э. Рут отмечает новый поворот отечественного диалектного словаростроения: он связан со все более узкой специализацией выходящих в свет изданий: «Вновь создаваемые собственно этнолингвистические словари становятся фактами осмысления языкового материала с позиций этнографии и этнологии, оставляя тем самым диалектной лексикографии задачи собственно языкового описания лексикона. Вместе с тем диалектные словари не теряют своего значения как источники этнографической информации» [14. С. 241].

Как же интерпретируют свой предмет эти новые словари, в чем они видят свою специфику, какую конкретно информацию считают релевантной для «этнолингвистической» или «лингвокультурологической» словарной статьи, т.е. в каких долях представлены ими «лингва» и «культура»? Как лингвокультурологические данные распределяются между зоной толкования и иллюстративной частью? Что такое лингвокультурологический комментарий? Ответы на эти вопросы, даваемые отечественными авторами, сильно отличаются.

Так, фундаментальный пятитомный труд «Славянские древности: Этнолингвистический словарь» (СДЭС, 1995–2012) [15], созданный московской этнолингвистической школой Н.И. Толстого, был задуман как «первый в славистике опыт энциклопедического словаря традиционной духовной культуры всех славянских народов» [15. Т. 1. С. 5] и вместил в себя результаты длительного изучения фольклора, мифологии, этнографии, народного искусства. Своей задачей авторы видят реконструкцию многогранной картины мира древних славян. Такое масштабное исследование базируется на структурно-семиотическом подходе, позволив-

шем провести сравнительно-исторический анализ различных фольклорных и этнографических фактов.

Тематический круг СДЭС необычайно широк и включает в себя описание орудий труда (*серп*), посуды (*утварь печная*), одежды (*шапка*), пищи (*пирог*), культовых и ритуальных предметов (*знамя свадебное*), веществ (*золото*), стихий (*вода*), представителей флоры (*береза*) и фауны (*муха*), различных мифологических персонажей (*мавка*), системы родственных отношений (*сестра*), временных обозначений (*лунное время*), пространственных характеристик (*правый–левый*), географических объектов (*лес*), ритуальных мест (*перекресток*), помещений и их частей (*баня, дверь*), мифологических локусов (*рай*), свойств человека и животных (*оборотничество*), чисел (*чет–нечет*), цветов (*красный цвет*), обрядов и обрядовых действий (*ряжение*), игр (*игры народные*), речевого поведения (*молчание*), различных событий (*болезнь*) и т.д.

Толкование содержит разноплановую экстралингвистическую информацию, раскрывающую культурное содержание лексической единицы, например:

> **АЛКОНОСТ** *(из греч. ἀλκυών) – мифическая райская птица, описанная в средневековых византийских и славянских легендах. Прообраз А. содержится в древнегреческом мифе об Алкионе, превращенном богами в птицу зимородка. На русских лубочных картинах А. изображается полуптицей-полуженщиной с большими перьями различной окраски. Женскую голову А. венчает корона, а в руках А. – райские цветы. Рядом с А. часто изображается птица сирин, отличающаяся от А. только отсутствием венца-короны, но имеющая, как и у А., сияние вокруг головы. А. обитает на райской реке Евфрат* [15. Т. 1. С. 100].

Следует особо отметить, что при обилии энциклопедических сведений статьи СДЭС не богаты иллюстративным речевым материалом и, как показывает приведенный пример, могут вообще не включать его. Дело в том, что для этой научной школы язык лишь один из равноправных кодов культуры. Однако авторы последующих словарных проектов, заявленных как этнолингвистические, придают большее значение данной составляющей, которая способна отражать «живое» видение реалий народной жизни носителями языка.

Так, данный тип представляет «Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь» (1997)[1] [16]. Этот лексикон, будучи несопоставимым по объему с СДЭС, тоже тяготеет к энциклопедичности: в предваряющих статьях даются сведения об истории заселения описываемого района, его фольклорно-этнографических и языковых особенностях, картографируются свойственные ему локальные культурные типы. Авторы, сталкиваясь с классическим противоречием между компрессией статьи и необходимостью вложить в нее максимум информации, пытаются совместить в рамках разработанной ими статьи сторонний взгляд исследователя («чужака») и записи живой речи диалектоносителей, раскрывающие особенности восприятия информантами их собственной культуры. Однако внимание диалектологов сосредоточено на довольно узком спектре культурных черт: семейной и календарной обрядности, молодежных и детских развлечениях, играх, т.е. тех фактах, которые при всей этноспецифичности доступны наблюдению и осмыслению и без языковых данных. Речевой материал (преимущественно мемораты, несказочная проза, детский фольклор) выступает всего лишь способом **воспроизведения** прежнего, не существующего ныне состояния культуры, однопорядковым, например с рисунками, фотографиями и кинохроникой:

> **БЛИНЫ ПЕКЧИ**: *Такую шайку принесут, шайку, там чё накладут, там всякой сажи, сковороду. Вот один нальёт, а другой – как подшшолнёт вот эту сковороду снизу, палкой, дак на людей это всё. ‘‘Блины пекёт, – говорили, – испёкся блин!’’ Вот как скажут, другой, этот шшелнёт и выльёт, на ково попадёт. Всё по сторонам, попадёт на девок. У иных платьица хорошие обольёт. Дак уж о святках, пожалуй, и гонобили се тако хорошое одевать»* [ЛАФ, д. Панино, СИС 23:3][2] [16. С. 46].

Для концепции данного словаря характерно функциональное равноправие рассказов диалектоносителей и исследовательских комментариев. В итоге словарная статья нередко перетекает в очерк, куда могут

[1] Продолжает и расширяет данные принципы подачи материала издание «Рязанская традиционная культура первой половины XX в. Шацкий этнодиалектный словарь» (2001) [17].

[2] Здесь и далее мы не стали купировать паспортизацию локалов, приведенную в словарных статьях.

вводиться несколько устных свидетельств разных информантов по поводу одного и того же культурного факта (реалии). Это дает его стереоскопическое видение и иллюстрирует территориальную вариативность («диалектность», по Н.И. Толстому [18.С. 29]) самой культуры.

Например:

ПОДШУЧИВАНИЯ И РОЗЫГРЫШИ: *Большинство подшучиваний над детьми основано на их естественной доверчивости к словам и действиям взрослого. Для ребенка младшего возраста характерно некритичное восприятие всего, что исходит от старшего. Однако по мере взросления это качество становится препятствием для выработки собственного опыта. Поэтому подшучивания и розыгрыши чрезвычайно важны для формирования таких необходимых качеств, как предусмотрительность, скептицизм, умение анализировать ситуацию и т.п. Скажем, ребенку предлагали залезть под стол и спрашивали: «Мама у тебя есть?» Он отвечал: «Есть». – «Папа у тебя есть?». – «Есть». – «А ум у тебя есть?» – «Есть». – «Был бы у тебя ум, не сел бы под стол»* [ЛАД, с. Вашки; СИС 22:68 об.] *Или, спросив у малыша: «Хочешь Москву увидеть?» – и получив утвердительный ответ, подходили к нему и, обхватив его голову ладонями, приподнимали до уровня глаз взрослого. «Вот так вот за́уши подымут, да и: ‘‘Видишь Москву?’’» Ребенка держали до тех пор, пока не добивались ответа* [ЗТН, д. Поповская; МИФ 23:93].

Понятно, что главной целью подобных подколок было не стремление унизить или поиздеваться над несмышленышем, а побудить его к активному противодействию, поставить перед необходимостью постоянного критического анализа возникающей ситуации [16. С. 284].

Такое устройство словаря объясняется тем, что главной своей задачей авторы видят не выделение лингвокультурных концептов, а создание наиболее подходящей **системы описания и подачи фактического материала.** Предстающие в речевых иллюстрациях концепты не подвергаются исследовательской интерпретации. В качестве заглавных слов выступают наиболее частотные и вариативные «единицы употребления (прагмемы)», соотносимые с «реалиями или акциями (обрядами, играми, праздниками)» [17. С. 8] и их компонентами.

Например:

БЫКА ПРОДАВАТЬ. *Ряжение «быком» и сценки с его участием наиболее распространены на территории, прилегающей к Кириллов-*

скому и Белозерскому районам, где «бык» – один из центральных персонажей святочного ряжения. <…> Основной смысле сценки – демонстрация достоинств «быка», его «продажа» и разделка его «туши» («шкура́ние), нередко сопровождавшаяся демонстрацией обнаженной натуры. <…> Другой тип ряжения «быком» заключался в запугивании девушек и детей более или менее искусно сделанным чучелом быка, которое воспринималось как личина «черта» или «сатаны» [16. С. 48–49]. **ВОЛЧОК.** *Среди любимых старинных посиделочных развлечений была игра «в волчок». Игра с ним представляла из себя разновидность древней игры в кости («в зернь»). <…> Волчок делали в форме кубика с гранью около полутора сантиметров и пирамидальной или конусообразной ножкой высотой около одного сантиметра. Ручку волчка могли вырезать из того же куска дерева* [16. С. 62–63].

Направление, связанное с созданием лингвокультурологических словарей, интенсивно разрабатывается и представителями томской диалектологической школы (Н.А. Агаповой, Т.Б. Банковой, О.И. Блиновой, А.С. Савенко, Е.А. Юриной и др.). В его рамках выделяется позиция О.И. Блиновой, расширяющей проблемное поле диалектной лингвокультурологии за счет вопросов народной речевой культуры (НРК) [19–23].

НРК выступает как «совокупность речевых средств, представляющих собой результат длительного отбора и совершенствования лучшего, что выработано сотнями поколений говорящих на данном языке» [20. С. 78]: фигуры речи, поэтическая техника, образные единицы всех уровней языка, приёмы и др. Даже не заявленные в качестве лингвокультурологических диалектные словари, созданные на основе объемных картотек, способны зафиксировать все эти явления [24–27].

При таком понимании сущности лингвокультурологии главной зоной словарной статьи становятся отражающие живое функционирование элементов НРК текстовые и метатекстовые иллюстрации, объем которых существенно преобладает над долей культурологических комментариев, входящих в лаконичное толкование. В середине 1990-х гг. томская диалектологическая школа поставила задачу разнонаправленной параметризации одного говора[1]. Все вышедшие в свет лексиконы могут

[1] Эта задача решается на материале сибирского старожильческого говора с. Вершинино Томского района Томской области.

рассматриваться как эмпирическая база для исследования НРК. К примеру, в «Словаре антонимов сибирского говора» (2003) показан прием антитезы:

НАСИЛЬНО	**ПО ЛЮБВИ**
Против воли, силой, не учитывая желания.	По взаимному согласию, добровольно.

В другу село увозили, если замуж брали. По любви замуж выходили. Насильно никого не отдавали; Мы ешшо маленьки были, кода девку насильно замуж выдавали; Ну, сама невеста, котора плачет, котора идёт (замуж) по любви. Хорошо раньше же не всех по любви отдавали; Насильно выдавали за богатых; Приехали сватать, насильно [26. С. 151].

«Словарь образных слов и выражений народного говора» (2001) зачастую дополняет краткое толкование заглавного слова яркими контекстами, включающими те или иные элементы НРК:

КОЗЕЛ. Самец козы. *В сравн.* а) Об упрямом человеке. – *Давай садись! Кака ты нерушна: скажешь – упирается, что козёл* (Кож.). б) О чем-л., по форме или свойству напоминающем козла. – *Машин никаких не было. Делали козлы – четыре ножки, походит на козла* (Яр.). *Козлы, стоят они связанные между собой, две ножки твёрдо стоят, с места не сшевелишь, как козёл стоит упрямый* (Тип.). [25. С. 127].

Та же картина возникает в «Мотивационном словаре сибирского говора» (2009):

ОТРЕПЬЯ, мн. Остатки после обработки льна трепанием. *А когда белый станет* [лён], *высушишь, тода мять, трепать. Всю ночь потрепешь, руки в кровь. Отрепья остаются после, когда потрепешь; Потом подсушим на печке и трепать… Отрепья после трепанья; Измяли лён, начинают трепать… Трепало, края востры… Истреплют его, получается лён чистый. Отрепья, потрепья; Потом трепать его, чесать. Изгребья – треплют его, и похлопки отлетают, а отрепья – они почище. Кода чесать станут, это и изгребья, а потреплешь – отрепья; Лён сорвут, потом разостелют, потреплют… А лён драли несколько раз, первый раз получаются отрепья; Отрепья – са-*

мый последний сорт. Когда отреплют, тода чешут; Трепало, истреплют, потом чесать шшеть. Отрепья после мялки. Ага, отрепешь [27. Т. 1. С. 364–365].

Еще более значима роль диалектных текстов для лингвокультурологической параметризации народной культуры в заявленном «Словаре сибирских обрядов» Т.Б. Банковой. Реализация данного проекта предполагает отбор только обрядовой лексики, функционирующей в среднеобских говорах, и ее семантическое, энциклопедическое, этнографическое описание. Принципиально, что способом толкования лексем должен стать лингвокультурологический комментарий, «который учитывает всю совокупность данных, почерпнутых из диалектных текстов» [28. С. 202], т.е. полностью опирается на дискурсивные сведения. Например:

ЛЕНТА ◊ выплетать ленту. Ритуал проводится во время девичника (см. девичник, расплетать косу). Ленту (ленты) выплетает брат или сестра невесты. Их клали на тарелку, затем брали на память подруги невесты-провожатки (см. провожатка). Выплетенная из косы лента символизировала прощание с девичьей красотой, невинностью, молодостью. *Брат косу расплетает, ленту, вынет; Брат али сестра косу расплетает, ленты красивые вынимат; Ленты, выплетенные из косы, кладутся на тарелку; Ленточку обязательно подруги берут, на память, это во время девичника было; Косу расплетают, провожатки ленты берут, плачут над ей.*

Итак, в современной российской лексикографии стал востребованным такой инструмент, как «лингвокультурологический комментарий». При этом на теоретическом уровне специфика данного комментария пока дифференцирована не строго. Во всех лексиконах «нового типа» он обладает и разным весом, и разной «глубиной раскрытия», и способами задания [29–31].

Как правило, в предисловии к очередному словарю авторский коллектив подменяет определение жанра «лингвокультурологический комментарий» перечислением включаемых в объем данного понятия разнородных элементов. Приведем красноречивый пример: само заглавие «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» (2006) [32] подчеркивает значимость этого раздела в лексиконе В.Н. Телия. Од-

нако и здесь только приведены конструктивные элементы комментария. Это этимологическая и страноведческая справки и собственно культурологический комментарий, который описывает: (а) связь образного содержания фразеологизма с мифологическими, религиозными, фольклорными, литературными пластами культуры; (б) корреляцию фразеологизма с кодами культуры; (в) источники фразеологизма, т.е. номинации вторичного характера – метафоры, метонимии, синекдохи, гиперболы, сравнения; (г) функцию фразеологизма в концептосфере культуры в качестве знака, символа, эталона или стереотипа. В конкретных словарных статьях состав этих элементов варьирует в зависимости от характера культурной информации, зашифрованной в толкуемой единице.

С подходом В.Н. Телия частично совпадает наполнение культурологического комментария в «Словаре русской пищевой метафоры» под ред. Е.А. Юриной [33]. Краткая этимологическая справка может дополняться информацией об осознании носителями языка внутренней формы лексемы и об источнике прецедентных выражений, включающих данное слово. Энциклопедические сведения отсылают к истории и функционированию реалий гастрономической сферы и связанных с ними обычаев, поверий и т.д. При этом в конкретных статьях объем сообщаемых сведений может различаться в несколько раз. Например:

ПАМПУШКИ – одна из разновидностей русских хлебобулочных изделий. Обычно они подаются к борщу. Слово *пампушка* происходит от немецкого *Pfannkuchen* «блин, оладья». В России пампушки стали известны как блюдо одесской кухни. Их традиционно изготавливали из сдобного дрожжевого теста (на яйцах, масле и молоке). Готовое тесто разделывали на «булочки» величиной с грецкий орех, которое обмакивали в масло, варили на пару и допекали в печи до легкого подрумянивания [33. С. 109].

АПЕЛЬСИН является популярным фруктом в современной русской кухне. Прежде всего, употребляется самостоятельно, используется для приготовления варенья, джемов, сока. Из кожуры апельсина готовят цедру, настои, ликёры, апельсиновое масло.

Слово апельсин заимствовано в русский язык из голландского, в котором appelsienозначает буквально «яблоко из Китая». Португальские мореплаватели в XVI в. привезли апельсины в Европу из Китая, а

в России они стали известны только в XVIII в. В 1714 г. князь А.Д. Меншиков построил дворец с большими оранжереями, в которых стали выращивать эти плоды. Долгое время апельсины считались изысканным фруктом, доступным только обеспеченным людям.

Благодаря наличию в апельсинах комплекса витаминов и других биологически активных веществ их рекомендуют для профилактики и лечения заболеваний печени, сердца и сосудов, обмена веществ.

Во многих русских сказках упоминаются «золотые яблоки», зреющие в заморских садах и похищаемые смелой жар-птицей. Эти плоды часто наделяются омолаживающими и другими чудесными свойствами. Прообразом этих яблок были, вероятно, апельсины и мандарины. Выражение *мы делили апельсин* возникло из одноименной песни, прозвучавшей в мультфильме «Веселая карусель», где животные делили апельсин между собой по долькам: «*Мы делили апельсин. Много нас, а он один. Эта долька для ежа. Эта долька для чижа…*» [Там же. С. 128].

Т.А. Гридина и Н.И. Коновалова [34], разрабатывая способ представления в словаре культурных смыслов диалектных фразеологических единиц, причисляют к ним: а) характеристику денотативной отнесенности фразеологизма; б) особенности эталонов и ценностных стереотипов, составляющих основание образного значения фразеологизмов; в) характеристику системных связей фразеологических единиц; г) факты метаязыковой рефлексии в контекстах их употребления; д) возрастную, гендерную, социальную, территориальную информацию, зашифрованную во фразеологизмах; е) включение семантики фразеологической единицы в широкое культурное пространство посредством обычаев, ритуалов, обрядов, фольклора и т.д. Однако примеры реализации предложенной разновидности лингвокультурологического комментария авторы не приводят.

Итак, активное развитие лексикографического направления, в котором делается акцент на включении в словарную статью массивной внеязыковой части, свидетельствует о востребованности такой словарной продукции. Как всякое становящееся явление новый тип лексикона пока еще не имеет четких структурных характеристик. Представляется, что такое положение дел продиктовано и тем обстоятельством, что расплывчатыми остаются границы самого поля «культуроемкой лексики». В результате словники могут быть заданы принципиально жестким онтологическим основанием (типа «метафоры»,

«фразеологизмы», «обрядовая лексика») и т.д. или же оказаться несколько аморфным множеством «лексем с культурной коннотацией (культурным компонентом)». Ясно, что во втором случае и экстралингвистическую информацию типизировать труднее.

Разрабатываемый сегодня конститутивный элемент словарей нового типа – так называемый «лингвокультурологический комментарий» – предстает как дифференцированная зона статьи, которая (чаще всего) не предполагает иллюстративных речений.

Литература

1. *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурогический аспекты. М. : Школа «Языки славянской культуры», 1996. 288 с.

2. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 13–24.

3. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология: Теория и методы. М. : Изд-во РУДН, 1997. 331 с.

4. *Маслова В.А.* Лингвокультурология : учеб. пособие для вузов. М. : Академия, 2001. 202 с.

5. *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007. 599 с.

6. *Блинова О.И.* Теория → словарь → теория → словарь… // Вопросы лексикографии. 2012. № 1. С. 6–26.

7. *Толстой Н.И.* Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41, № 5. С. 397–405.

8. *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Д.К. Зеленин диалектолог // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979. С. 70–83.

9. *Даль В.И.* Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка: современное написание: ок. 1500 ил. М. : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2005. 348, [4] с.: ил.

10. *Потебня А.А.* Этимологические заметки // Живая старина. СПб. : Отделение этнографии ИРГО, 1891. Вып. III. С. 117–128.

11. *Зеленин Д.К.* Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1913. 562 с.

12. *Зеленин Д.К.* Великорусские сказки Вятской губернии: С приложением шести вотяцких сказок // Сборник Д.К. Зеленина. Пг., 1915. XLIV, 640 с. (Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии; т. 42).

13. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М. : Наука, 1991. 511 с.

14. *Рут М.Э.* Этнографические материалы в диалектном словаре: проблемы подачи // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII). М., 2002. С. 241–250.

15. Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995–2012.

16. *Морозов И.А., Слепцова И.С, Островский Е.Б, Смольников С.Н., Минюхина Е.А.* Духовная культура Северного Белозерья: Этнодиалектный словарь. М. : ИЭА РАН, 1997. 432 с.

17. *Гилярова Н.Н., Морозов И.А., Слепцова И.С., Чижикова Л.Н.* Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь. Рязань : РОНМЦНТ, 2001. 488 с.

18. *Толстой Н.И.* Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 27–40.

19. *Блинова О.И.* Концепция «Словаря образных единиц сибирского говора» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 3 (11). С. 5–14.

20. *Блинова О.И.* Народная речевая культура сквозь призму лексикографического текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. Вып. 3 (47). Серия: Гуманитарные науки (Филология). С. 78–82.

20. *Блинова О.И.* Олицетворение (к формированию научных понятий лингвокультурологии) // Образование, язык, культура на рубеже XXI в.: материалы Междунар. науч. конф. Уфа, 1998. Ч. 2. С. 99–101.

21. *Блинова О.И.* Областной словарь в лингвокультурологическом аспекте // От словаря В.И. Даля к лексикографии XXI века. Владивосток, 2002. С. 77–83.

22. *Блинова О.И.* Зооморфизм как явление народной речевой культуры // Славистика: синхрония и диахрония : сб. статей к 70-летию И.С. Улуханова. М., 2006. С. 570–577.

23. *Блинова О.И.* Народная речевая культура: статус и аспекты исследования // Русская речевая культура и текст: материалы VI Междунар. науч. конф., 25–27 марта 2010 г. Томск, 2010. С. 8–14.

24. *Арьянова В.Г., Блинова О.И., Богословская З.М., Васильева Э.В.* Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья : в 2 т. Томск : Изд-во Том.ун-та, 1982–1983.

25. *Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А.* Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том.ун-та, 2001. 307 с.

26. *Блинова О.И.* Словарь антонимов сибирского говора. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 240 с.

27. *Блинова О.И., Сыпченко С.В.* Мотивационный словарь сибирского говора : в 2 т. / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009–2010.

28. *Банкова Т.Б.* О символическом значении слова в «Словаре сибирских обрядов» // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 199–202.

29. *Заграевская Т.Б.* Теория словаря в отечественных оригинальных концепциях конца XX – начала XXI века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 1. Филология, № 3. С. 90–98.

30. *Герд А.С.* К определению понятия «словарь» // Проблемы лексикографии : сб. ст. / под ред. А.С. Герда, В.Н. Сергеева. СПб., 1997. С. 191–203.

31. *Городецкий Ю.Б.* Проблемы и методы современной лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14: Проблемы и методы лексикографии. М., 1983. С. 5–22.

32. *Телия В.Н.* Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М., 2006. 784 с.

33. *Словарь* русской пищевой метафоры. Т. 1: Блюда и продукты питания / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том.ун-та, 2015. 428 с.

34. *Гридина Т.А., Коновалова Н.И.* Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 119–131.

ETHNOLINGUISTIC, ETHNODIALECTAL AND LINGUACULTURAL DICTIONARIES AS A NEW STAGE OF LEXICOGRAPHY

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2018, 14, pp. 50–67.
DOI: 10.17223/22274200/14/3

Anastasiya S. Razina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: razina-anastasia@yandex.ru

Keywords: ethnolinguistics, linguacultural studies, lexicography, dialect, linguacultural commentary.

The research subject is modern ethnolinguistic, ethnodialectal and linguacultural dictionaries of the Russian language. Their appearance in recent decades has been considered to be a result of developing the theoretical foundation of interdisciplinary linguistic directions of Russian linguistics. Alongside this, the basis of “culture-filled” dictionaries is dialectal lexicons by V.I. Dahl, V.N. Dobrovolsky, D.K. Zelenin, and others. These lexicons include not only language data, but also different information about the domestic and spiritual culture of Russian peasants. Dialectal dictionaries of a classical type are still valuable as sources of ethnographic data.

The aim of the study is the interpretation of conceptual and formal-substantive typological features of new dictionaries integrating linguistic and cultural knowledge. The author of the article uses a basic scientific description method with its observation, classification and interpretation techniques.

The analysis is focused on the correlation of properly linguistic data and extralinguistic ones as well as on the allocation of the latter in different zones of the vocabulary entry.

The study has revealed that non-linguistic information in the early “culture-filled” dictionaries is predominantly placed in the interpretation or in the speech illustration zone. At the same time, the comparison of lexicons created by representatives of different linguistics schools has detected a perceptible variation of the volume of the illustra-

tive speech material – from its almost total absence in the five volumes of *Slavic Antiquities* through inclusions of memoirs and children's folklore into the ethnodialectal dictionary *Spiritual Culture of North Belozerie* to a significant expansion of authentic recordings of dialect speakers' informal conversations in the conditions of natural communication (with no compilers involved) in the series of the Middle-Ob dialect dictionaries.

With time, more and more editions started developing and introducing a special parameter of the vocabulary entry – a linguacultural commentary. Nowadays, it can be of different importance, "depth of disclosure" and formal-semantic organization because recognized schools of Russian lexicography fill it with various structural elements. Their linguistic part is most often represented by etymology and motivation of lexical units. As for the cultural study section, it turns out to be vaguer and introduces ethnographic, encyclopedic and country study data as well as information about conceptual meanings, archetypes and cultural codes enciphered in the headword. This state of affairs is dictated by the vague borders of the field "culture-filled vocabulary".

References

1. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya: Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turogicheskiy aspekty* [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola "Yazyki slavyanskoy kul'tury".

2. Teliya, V.N. (1999) Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury [Priorities and methodological problems of the study of the phraseological composition of the language in the context of culture]. In: Teliya, V.N. (ed.) *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

3. Vorob'ev, V.V. (1997) *Lingvokul'turologiya: Teoriya i metody* [Linguoculturology: Theory and methods]. Moscow: RUDN.

4. Maslova, V.A. (2001) *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Akademiya.

5. Berezovich, E.L. (2007) *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and traditional culture: Ethno-linguistic research]. Moscow: Indrik.

6. Blinova, O.I. (2012) Theory → Dictionary → Theory → Dictionary. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1. pp. 6–26. (In Russian).

7. Tolstoy, N.I. (1982) Nekotorye problemy i perspektivy slavyanskoy i obshchey etnolingvistiki [Some problems and prospects of Slavic and general ethnolinguistics]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 41(5). pp. 397–405.

8. Tolstoy, N.I. & Tolstaya, S.M. (1979) D.K. Zelenin dialektolog [D.K. Zelenin, a dialectologist]. In: Bayburin, A.K. & Chistov, K.V. (eds) *Problemy slavyanskoy etnografii* [Problems of Slavic ethnography]. Leningrad: Nauka.

9. Dahl, V.I. (2005) *Bol'shoy illyustrirovannyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: sovremennoe napisanie: ok. 1500 il.* [Big illustrated dictionary of the Russian language: modern writing: approx. 1500 ill.]. Moscow: Astrel': AST: Tranzitkniga.

10. Potebnya, A.A. (1891) Etimologicheskie zametki [Etymological notes]. *Zhivaya starina.* III. pp. 117–128.

11. Zelenin, D.K. (1913) *Velikorusskie govory s neorganicheskim i neperekhodnym smyagcheniem zadnenebnykh soglasnykh v svyazi s techeniyami pozdneyshey velikorusskoy kolonizatsii. Izdanie Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk* [Great-Russian dialects with inorganic and non-transitional softening of back consonants due to the course of the later Great-Russian colonization. Publication of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg: Tip. A.V. Orlova.

12. Zelenin, D.K. (1915) Velikorusskie skazki Vyatskoy gubernii: S prilozheniem shesti votyatskikh skazok [Great-Russian tales of Vyatka Province: With the addition of six Udmurt tales]. In: *Sbornik D.K. Zelenina* [Collection of D.K. Zelenin]. Petrograd: Tip. A.V. Orlova..

13. Zelenin, D.K. (1991) *Vostochnoslavyanskaya etnografiya* [East Slavic ethnography]. Moscow: Nauka.

14. Rut, M.E. (2002) Etnograficheskie materialy v dialektnom slovare: problemy podachi [Ethnographic materials in the dialect dictionary: Problems of presentation]. *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii.* I (VII). pp. 241–250.

15.Tolstoy, N.I. (ed.) (1995–2002) *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

16. Morozov, I.A. et. al (1997) *Dukhovnaya kul'tura Severnogo Belozer'ya: Etnodialektnyy slovar'* [The spiritual culture of the Northern Belozerye: Ethno-dialectal dictionary]. Moscow: IEA RAS.

17. Gilyarova, N.N. et. al (2001) *Ryazanskaya traditsionnaya kul'tura pervoy poloviny XX veka. Shatskiy etnodialektnyy slovar'* [Ryazan traditional culture of the first half of the 20th century. Shatsk ethnodialectal dictionary]. Ryazan: RONMTSNT.

18. Tolstoy, N.I. (1995) *Yazyk i narodnaya kul'tura: Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik. pp. 27–40.

19. Blinova, O.I. (2010) Kontseptsiya "Slovarya obraznykh edinits sibirskogo govora" [The concept of "Dictionary of figurative units of the Siberian dialect"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 3 (11). pp. 5–14.

20. Blinova, O.I. (2005) Narodnaya rechevaya kul'tura skvoz' prizmu leksikograficheskogo teksta [Folk speech culture through the prism of the lexicographic text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 3 (47). pp. 78–82.

20. Blinova, O.I. (1998) [Personification (to the formation of scientific concepts of cultural linguistics)]. *Obrazovanie, yazyk, kul'tura na rubezhe XXI v.* [Education, language, culture at the turn of the 21st century]. Proceedings of the International Conference. Pt. 2. Ufa: Eastern University. pp. 99–101. (In Russian).

21. Blinova, O.I. (2002) Oblastnoy slovar' v lingvokul'turologicheskom aspekte [Regional dictionary in the linguistic-cultural aspect]. In: Dahl, V.I. &Varga, T.F. *Ot*

slovarya V.I. Dalya k leksikografii XXI veka [From the dictionary of V.I. Dahl to the lexicography of the 21st century]. Vladivostok: Far Eastern State University.

22. Blinova, O.I. (2006) Zoomorfizm kak yavlenie narodnoy rechevoy kul'tury [Zoomomorphism as a phenomenon of folk speech culture]. In: Vinogradov, V.V. (ed.) *Slavistika: sinkhroniya i diakhroniya: sb. statey k 70-letiyu I.S. Ulukhanova* [Slavic Studies: Synchrony and diachrony: collection of articles on the 70th anniversary of I.S. Ulukhanov]. Moscow: Azbukovnik.

23. Blinova, O.I. (2010) [Folk speech culture: Status and aspects of research]. *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst* [Russian Speech Culture and Text]. Proceedings of the 6th International Conference. 25–27 March 2010. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 8–14. (In Russian).

24. Ar'yanova, V.G. et. al (1982–1983) *Motivatsionnyy dialektnyy slovar': Govory Srednego Priob'ya: v 2 t.* [Motivational dialect dictionary: Dialects of the Middle Ob: in 2 vols]. Tomsk: Tomsk State University.

25. Blinova, O.I., Martynova, S.E. & Yurina, E.A. (2001) *Slovar' obraznykh slov i vyrazheniy narodnogo govora* [Dictionary of figurative words and expressions of folk dialect]. Tomsk: Tomsk State University.

26. Blinova, O.I. (2003) *Slovar' antonimov sibirskogo govora* [Dictionary of antonyms of the Siberian dialect]. Tomsk: Tomsk State University.

27. Blinova, O.I. & Sypchenko, S.V. (2009–2010) *Motivatsionnyy slovar' sibirskogo govora : v 2 t.* [The motivational dictionary of the Siberian dialect: in vols]. Tomsk: Tomsk State University.

28. Bankova, T.B. (2004) About symbolical connotation of the word in the "Dictionary of Siberian rites". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 282. pp. 199–202. (In Russian).

29. Zagraevskaya, T.B. (2012) The theory of dictionary in Russian original concepts of the close of the XX-th beginning of the XXI centuries. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Vestnik of Pushkin Leningrad State University***.** 1(3). pp. 90–98. (In Russian).

30. Gerd, A.S. (1997) K opredeleniyu ponyatiya "slovar'" [On the definition of the concept of "dictionary"]. In: Gerd, A.S. & Sergeeva, V.N. (eds) *Problemy leksikografii* [Problems of lexicography]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

32. Teliya, V.N. (ed.) (2009) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka: Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskiy kommentariy* [Big Russian phraseological dictionary: Meaning. Use. Cultural commentary]. Moscow: AST-Press kniga.

33. Yurina, E.A. (ed.) (2015) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian Food Metaphor]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

34. Gridina, T.A. & Konovalova, N.I. (2017) Lexicographic interpretation of dialectal phraseology: a cultural-linguistic aspect. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 119–131. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/8